

С. М. ЕВГРАФОВА¹

ПРОБЛЕМЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В КОНТЕКСТЕ ОБУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСКОМУ ПИСЬМУ

В статье рассматривается стилистическая роль прилагательных в ряду атрибутивных конструкций, используемых в современном русском языке.

В стилистическом отношении носители языка могут оценивать прилагательные совершенно по-разному: неопытные пишущие считают их важнейшей составляющей художественного текста, часть специалистов полагает, что прилагательные характерны лишь для женской манеры письма, другая часть склонна вообще избегать прилагательных из-за их низкой информативности. Цель статьи — выявить современные тенденции в употреблении прилагательных и показать, каких стилистических ошибок в употреблении этой части речи следует избегать.

Автор называет три основные функции, которые выполняют прилагательные в процессе коммуникации, — изобразительную, дифференцирующую и оценочную. Однако не следует забывать и о той важной роли, которую играют прилагательные в когнитивных процессах. Анализируя семантику производных и производных прилагательных, описывающих внешний вид объектов (размер, форма, цвет, материал и проч.), автор показывает, что изначально эта часть речи была очень бедной, но её состав постоянно расширяется за счет пополнения состава производных относительных прилагательных, обозначающих связи между различными объектами и тем самым способных отразить как индивидуальную, так и национальную картину мира.

Внутренняя форма относительных прилагательных делает их семантически более ёмкими. Этим свойством часто пользуются писатели, но выразительность прилагательных при частом употреблении стирается, поэтому профессионалы постоянно ищут необычные способы выражения признаков. Рассматривая особенности использования прилагательных в студенческих текстах, легко заметить, что неопытные пишущие злоупотребляют их оценочной функцией и пренебрегают их когнитивными возможностями, а также не всегда умеют подбирать нестандартные способы признакового описания предметов и явлений.

В статье представлен богатый иллюстративный материал и показано, на каких научных основах может быть построена методика обучения творческому письму.

---

¹ Светлана Маратовна Евграфова — кандидат филологических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Российская Федерация); evgraffs@yandex.ru

Ключевые слова: стилистика, прилагательное, русская языковая картина мира, коммуникативные функции прилагательных, когнитивные функции прилагательных, атрибутивная лексика.

При обучении творческому письму проблема употребления прилагательных занимает особое место: неопытные пишущие нередко злоупотребляют атрибутивными конструкциями, полагая, что их обилие в предложении делает текст красивее (так, одна студентка написала, что «Generation P» В. Пелевина — *весьма броский, богатый на отъявленно злободневные темы, актуальный до невозможности роман*). Между тем известно, что редакторы безжалостно вычёркивают избыточные эпитеты из текста¹.

Впрочем, стилистическая оценка прилагательных речи непостоянна: она зависит от стилистических установок конкретного издания и даже эпохи (см. об исторических изменениях синтаксических конструкций, описывающих признаки [Виноградов, 185], а обойтись без прилагательных и, шире, атрибутивных единиц — как бы эстетствующие носители языка их ни критиковали — невозможно, поскольку выявление признаков предмета необходимо и для распознавания образов, и для описания различных объектов в процессе общения).

Необязательность прилагательного иллюзорна. В коммуникации прилагательные помогают говорящему / пишущему выражать эмоции и — напрямую и через создаваемый образ — воздействовать на эмоции адресата. Иными словами, прилагательные активно участвуют в создании объективных и субъективных образов объектов внешнего мира в различных типах текстов. А. И. Горшков много писал о противопоставлении *образных* и *безобразных* текстов [Горшков, 329–344]. Даже в научных текстах образность присутствует: во-первых, в них активизируется когнитивная роль метафоры², во-вторых, неумение автора работать с образами способствует злоупотреблению оценочными прилагательными [Евграфова 2016 (Елец), 503]. Вот почему при обучении творческому письму вопрос об особенностях употребления прилагательных остаётся актуальным независимо от того, с какого рода текстами предполагает работать будущий автор или редактор.

В процессе обучения студентов творческому письму естественно обратиться к произведениям современных писателей, к качественной журналистике, к мемуарам и письмам интеллигентных, думающих людей. Как часто и в каких целях используют атрибутивные конструкции хорошо пишущие люди? Какие выразительные возможности отличают прилагательные от других атрибутивных конструкций? Как связаны эти возможности с той ролью, которую играют прилагательные в грамматической системе современного русского языка?

Даже если ограничиться рассмотрением примеров употребления прилагательных, описывающих чувственно воспринимаемые признаки реальных

¹ Автору настоящей статьи известен случай осознанной установки литературного редактора солидного журнала на устранение прилагательных из текстов журналистов (редактор считала все прилагательные избыточными и неинформативными).

² Вспомним метафору дерева в языкознании или теории графов, понятие чёрной дыры и проч.; отметим многочисленные переносные значения слов, относящихся к общенаучной лексике, например: *необходимость статистической верификации породила требования к объёму обрабатываемых данных*.

объектов, то картина получится весьма неоднородной. Так, Юрий Буйда («Фарфоровые ноги») использует прилагательные для создания описаний, максимально точно, однозначно воспринимаемых всеми носителями русского языка, и потому охотно использует прямые значения слов (*плоская крыша, сизый булыжник* — прилагательное употреблено в исходном значении: «тёмно-серый с синеватым отливом») и не отказывается от стандартных сочетаний (*центральная площадь, редкие солнечные дни, осенние листья* и проч.).

Обувной магазин находился на центральной — и единственной — площади городка, вымощенной сизым тёсаным булыжником, по которому в редкие солнечные дни медленно, как часовая стрелка по циферблату, перемещалась тень безверхой кирхи. Прежде чем упасть на плоскую крышу навильончика, где торговали пивом, влажными сигаретами и бутербродами с сухими скукоженными ломтиками колбасы, прохаживая на палые осенние листья, тень величественно вливалась в витрину обувного магазина, украшенную двумя фарфоровыми женскими ногами в туфлях на высоких каблуках. Ещё дюжина таких же ног — белых, жёлтых и розовых — была расставлена в помещении, пропахшем кожей, ваксой и табаком «амфора» от трубки хозяина магазина — Капитана Лёши, чьё обтянутое белой войлочной бородой лицо посетители видели только сквозь завесу голубоватого ароматного дыма.

На 109 слов отрывка-описания приходится 26 прилагательных и 5 причастий в составе причастных оборотов, а также 11 атрибутивных по смыслу сочетаний существительных и три придаточных определительных. Немногочисленные нестандартные прилагательные работают на образное восприятие: *безверхая кирха, палые листья, войлочная борода, сухие скукоженные ломтики*.

Совершенно иначе работает с прилагательными Дина Рубина («Русская канарейка»).

И всегда висел над садами <...> терпкий слоистый запах, вернее, пёстрый ковёр из неопикуемых горных запахов: шалфея, душицы, лаванды, сладковатого красного клевера и лесных фиалок, что росли в укромных уголках сада. К травным и древесным примешивались и острые запахи животных — лисы, ежа, каких-то полевых грызунов; понизу стлались вязкий холодный запах тины и сырой дух грибницы и влажной земли. И запах полыни... Её много вокруг было, и в садах, и возле дома: красной, белой, серебристой... Бабушка её любила, и каждую весну полынные веники развешивались на стенах кухни и веранды. Но главное, по всей округе воздух закипал всепобеждающим ароматом яблок сорта апорт.

На 100 слов отрывка на прилагательные приходится 21 слово и 21 атрибутивное по смыслу сочетание типа «существительное + существительное». При этом автор избегает стандартного словоупотребления: цветовые прилагательные *красный, белый, серебристый* обозначают не цвета, а виды полыни и клевера (части сложных номинаций); «зрительные» (*слоистый, пёстрый*) и «тактильные» прилагательные (*вязкий, холодный, сырой, влажный, острый*) обозначают оттенки запахов, а запаховое *полынный* используется вместо слова *полынь* (*полынные веники* = «пучки полыни, похожие на веники»). Кроме того, привычное *лесной* используется в составе номинативного словосочетания *лесная фиалка*, а *горный* порождает метонимию (*горные запахи*). Стандартным оказался лишь эпитет в словосочетании *укромные уголки*.

Андрей Геласимов («Степные боги») использует прилагательные гораздо реже, предпочитая им глаголы и причастия; его описание динамичнее: оно похоже не на фотографию, а на эпизод фильма.

Кони противника пугались грохота выстрелов, и кавалерия теряла все свои преимущества в считанные секунды. Обезумевшие животные носились по полю боя, волоча за собой застреленных всадников, а те, кто ещё оставался в седле, не могли удержать строй. Конная лава, которая как река должна была сметать всё на своём пути, превращалась в неуправляемую кипящую массу — лошади испуганно ржали, хрипели, вздымались на дыбы, брызгались пеной из разорванных чёрных губ, валились на спину, топтали собственных всадников, натывались на окровавленные мечи, а «танэгасима» продолжали бить из своего укрытия, заволакивая кусты пороховым дымом, с лёгкостью пробивая самые крепкие самурайские доспехи и оставляя в сердцах глупящих воинов чувство такого благоговейного ужаса, как будто сама богиня Аматэрасу разгневалась на них и вступила в бой на стороне великого и непредсказуемого Токтоми Хидэеси...

На 123 слова — 11 прилагательных (5 из них — отглагольные), 3 употребления местоимения *свой*, 5 причастий, 6 атрибутивных сочетаний существительных и 1 придаточное определительное.

Начинающему автору не следует забывать о том, что при всём разнообразии авторского употребления прилагательных в различных словесных рядах вариативность не предполагает хаоса и что смысловые и выразительные возможности этой части речи определяются языковыми законами. Обсудим эти законы.

КОММУНИКАТИВНАЯ РОЛЬ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Важная роль прилагательных в коммуникации, а значит, и в тексте обусловлена их возможностями: а) выделять признаки предметов, позволяющие читателю явственно или образно представить описываемый объект (так, Рубина описывает *старое реле, в деревянном корпусе, с никелированными тумблерами установки времени*); б) дифференцировать сходные предметы (*Где юбку-то белую взять? — Нигде, нету такой в Разгуляевке* — Геласимов); в) выражать отношение автора к тем или иным объектам (ср.: *отвратительная привычка, незыблемые принципы*). Тем самым можно говорить об избирательной, дифференцирующей и оценочной функциях прилагательных.

Функция прилагательного зависит не столько от самого слова, сколько от авторской установки, которая определяет характер включения слова в тот или иной контекст; в результате одно и то же слово может выступать в зависимости от контекста в различных функциях.

Изобразительная функция реализуется, когда автор описывает объект, не противопоставляя его другим: *По небу плыли серые облака; К утру из земли проклюнулся тонкий росток; На витрине стояли глиняные статуэтки, плошки, подсвечники и свистульки.*

Дифференцирующая функция реализуется в контексте явного или неявного противопоставления: *К такому пиджаку подойдёт только серая юбка; Сегодня не очень холодно — надень тонкий свитер, а не этот; Мясо лучше запекать именно в глиняной миске.*

Оценочная функция свойственна некоторым прилагательным изначально (*хороший* — *плохой*), но чаще она является коннотативным развитием дифференцирующей: за одним из членов оппозиции (*серый* vs. *яркий*, *тонкий* vs. *грубый*, *глиняный* → *непрочный*, *ненадёжный* vs. *прочный*, *надёжный*) закрепляется отрицательная, а за другим — положительная коннотация. Переносные оценочные значения обычно лексикализуются: *Премия получил совершенно **серый** фильм*; *Мне нравится его **тонкий** юмор*; *Это был колосс на **глиняных** ногах*.

При этом слова, изначально обладающие оценочным значением (*добрый*, *приятный* и проч., например: *Он **приятный** в общении человек*), в контексте противопоставления успешно выполняют дифференцирующую функцию (*Он умеет говорить гадости с **приятной** улыбкой*), но с изобразительной функцией они справляются хуже, потому что опираются на расплывчатое представление о том, какими физическими признаками должен обладать объект, который всем одинаково нравится или не нравится. Тем не менее в чисто описательных контекстах оценочная функция таких прилагательных нивелируется, и они начинают выполнять изобразительную функцию (*Он был среднего роста, темноволосый, с **приятными** чертами лица*).

КОГНИТИВНАЯ РОЛЬ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Когнитивная роль прилагательных связана с их способностью обозначать существенные признаки объектов и тем самым обеспечивать точное распознавание образов. И чем внимательнее человек всматривается в объекты, тем больше признаков он выявляет и обозначает.

Заметим: прилагательных, описывающих чувственно воспринимаемые признаки реальных объектов, в русском языке относительно немного — как и самих признаков, которые могут различать предметы и изначально «обеспечены» прилагательными.

Судя по семантическому составу атрибутивной лексики, в русской языковой картине мира [Об этом направлении исследований см.: Зализняк и др.] особо значимое место занимает отражение зрительного восприятия окружающей реальности.

Так, выделяя признаки объекта, мы обращаем внимание на его **размер**: отмечаем размер вообще (*большой*, *маленький*), относительно нормы (*толстый*, *тонкий*), в вертикальном измерении вверх относительно поверхности земли (*высокий*, *низкий*), в вертикальном измерении вниз относительно поверхности земли (*глубокий*, *мелкий*), в горизонтальном измерении при оценке обширности пространства (*широкий*, *узкий*), горизонтальном измерении при оценке длительности пути (*длинный*, *короткий*).

Существенна для русского языкового сознания также **наполненность объёма**, занимаемого объектом (*пустой*, *полюй*, *полный*).

Цвет тоже очень важен для носителей русского языка; мы различаем множество оттенков, но слов для их устойчивого различения у нас не слишком много: *белый*, *чёрный*, *светлый*, *тёмный*, *серый*, *седой*, *яркий*, *пёстрый*, *коричневый*, *багровый*, *красный*, *румяный*, *оранжевый*, *жёлтый*, *зелёный*, *синий*, *голубой*, *розовый*, *фиолетовый*. Оттенки цветов всегда вызывают споры: вряд ли удастся чётко определить, какому оттенку соответствуют *салатовый*, *фисташковый*, *болотный*, *хаки*, *сафари*, *песочный*, *бежевый*,

малиновый, вишнёвый, персиковый или знаменитый *цвет бедра испуганной нимфы*. Эта зона творчески используется писателями и — едва ли не чаще — рекламщиками, которым приходится привлекать внимание к модному цвету одежды, автомобилей или иных товаров.

Форма, судя по используемым прилагательным, стала играть существенную роль относительно недавно: *круглый, овальный, квадратный, прямоугольный, треугольный* — как мы видим, все эти слова связаны с названиями геометрических фигур, причём плоскостных: слова *сферический, кубический* в бытовом общении практически не употребляются.

Зрительное восприятие помогает нам определить **некоторые особенности поверхности объекта** (*блестящий, матовый, тусклый, лысый, голый, лохматый, мохнатый, прозрачный*) и **материал**, из которого он изготовлен (*деревянный, стеклянный, каменный, медный, глиняный, бетонный, пластмассовый, шерстяной, ледяной* и проч.), — впрочем, оценивая материал, мы нередко опираемся не только на зрительное, но и на тактильное восприятие.

К зрительно определяемым можно отнести также признак возраста; **срок существования** объекта играет в нашем сознании немаловажную роль: *старый, давний, новый, юный, молодой, свежий*.

Огромную роль в русском языковом сознании играет восприятие мира через тактильные ощущения.

Тактильное восприятие позволяет охарактеризовать **фактуру предмета**. Для нас важна податливость предмета (*твёрдый, мягкий, плотный, тугой, упругий, вязкий, рыхлый, хрупкий*), степень его насыщенности водой (*жидкий, густой, мокрый, сырой, влажный, сухой*), его температура (*горячий, тёплый, холодный*), специфические свойства его поверхности (*гладкий, ровный, шершавый, неровный, бугристый, скользкий, липкий*, а также более поздние *колючий, занозистый, пушистый, шелковистый, бархатистый*), его агрессивность по отношению к коже (*едкий*).

Взяв предмет в руки, мы обязательно ощущаем его **вес** (*тяжёлый, лёгкий*), хотя этот признак гораздо менее значимый. Тактильное восприятие позволяет нам оценить **удобство** объекта (*удобный, неудобный, тесный, свободный*).

Звуковая картина мира в русском национальном сознании ассоциируется с действиями, а не с признаками: мы слышим, как что-то *шуршит, шелестит, звенит, гудит, стучит, гремит, бубнит, мяукает, кукарекает, булькает*. Эти глаголы чаще всего восходят к звукоподражаниям; они порождают существительные (*шелест, звон, гул, стук, гром, бубнёж, мяуканье* и проч.), и лишь некоторые из них образуют прилагательные (*громкий, звонкий, гулкий*). Пожалуй, только отсутствие характерных звуков описывается прилагательным: *тихий*.

Представлено в русском языковом сознании и определённое разнообразие признаков, обусловленное вкусовым восприятием. Мы различаем четыре основных вкуса (*горький, кислый, солёный, сладкий*), недостаток вкусовых ощущений (*пресный, безвкусный*) и их избыток (*терпкий, пряный, острый*) — вплоть до возникновения чувства опасности (*едкий, жгучий*), а также явно оценочное по своей природе *тошнотворный*.

Ольфакторное восприятие в русской языковой картине мира, по-видимому, привязано не к признакам, а непосредственно к предметам. Мы описываем **запахи**, указывая на предмет, источающий соответствующий

аромат (*запах дождя, аромат сирени, запах свежего хлеба, пахнет молоком, воняет хлоркой* и проч.); словосочетания с прилагательными типа *цветочный аромат, полынный дух* встречаются намного реже; слова *пахучий, вонючий, благоуханный* являются производными от глаголов, а *ароматный* — поздним заимствованием.

Заметим: если для читателя, слушателя признаковое описание объекта есть способ точно воссоздать образ, то для пишущего, говорящего в центре внимания находится оценка реальности. У неопытного пишущего эмоциональная оценка зачастую преобладает над изобразительностью; вот опус будущей пиарщицы на тему «Моя любимая вещь» (орфография и пунктуация подлинника сохранены):

Пожалуй стоит начать с того, что свою любимицу я встретила пару лет назад в ЦУМе. И это была любовь с первого взгляда! Из бесконечного числа окружающих сумок, я увидела её одну и ту самую, как только вошла в бутик. Она была из нежной кожи, к которой хотелось прикасаться бесконечное количество раз. Её золотые клепочки и замочки переливались в свете софитов и блестели, блестели... глаз невозможно было оторвать! Поскольку у меня есть довольно много сумок различных типов и брендов (меня можно назвать фанатом сумок), я не видела ещё столь великолепной и изящной.

Студентка выражает своё восхищение сумочкой, используя лексику, фразеологию, выделительные конструкции с предлогом *из*, средства усиления (оценочные конструкции выделены жирным шрифтом), добавляет слова и упоминает понятия, несущие неявную оценку, но забывает описать цвет, размер, форму сумки.

Избыточность оценочных прилагательных и атрибутивных конструкций — одна из самых ярких примет неопытного сочинителя. В русской языковой картине мира **оценка** объекта по его **качеству** (*добрый, злой, хороший, плохой*) очень важна, но следует помнить, что она, во-первых, формируется именно на основании чувственного восприятия, а во-вторых, носит сугубо индивидуальный характер. Текст, которым автор даёт вместо деталей готовые, безапелляционные оценки, обычно раздражает читателя, кажется неубедительным.

Чтобы студенты осознали это, можно провести с ними учебный эксперимент — предложить им описать одну и ту же фотографию. Им полезно задуматься над тем, как те или иные признаки объектов влияют на авторскую оценку реальности. Так, описывая фотографию, одна студентка пишет:

Заброшенный монастырь. Перед ним — дорога, яркие красные и белые цветы, зелёный газон — всё это неестественно и отталкивающе смотрится на фоне кричащих пустотой, чёрных, безликих окон. словно на фотографии кто-то вырезал чёрные квадраты или заклеил окошки. Хочется, чтобы в них были жизнь и свет.

Облупившиеся, разноцветные стены, с пятнами краски, выцветшими то ли от солнца, то ли от старости, то ли от того и другого. Пусто, холодно и темно. А день солнечный и тёплый.

Перед монастырем — арка с синим куполом, сверху купола — шпиль, который стремится в синее небо, как бесконечный вектор. Ещё более неестественно, чем цветы и газон. Остатки былой красоты, мрачное напоминание о том, что всё уходит, рушится, трескается под солнцем и пустеет. Но что-то осталось, и от этого «что-то» страшно и грустно.

Девушка эмоционально воспринимает цветовой контраст, ощущая его как контраст между новым, живым и старым, заброшенным, и оценивает картинку на фотографии как «плохую». Другая студентка совершенно иначе воспринимает ту же картинку:

Строгий, чёрный забор будто ограничивает тебя и говорит: «Здесь только один выход!» Россыпь красно-белых маленьких цветов, обрамляющих асфальтированную дорожку, тоже как будто подталкивает тебя к нему. Их яркость создаёт впечатление огоньков на взлётно-посадочной полосе, и ты уже начинаешь чувствовать себя пилотом военного самолёта, которому во что бы то ни стало нужно взлететь и миновать голубой купол над выходом, миновать руины старых монастырских пристроек, взмыть вверх, в это тёмно-синее небо, почувствовать запах озона и вступить в бой с грозой.

Цветовой контраст в сочетании с перспективой (широкое вблизи — узкое там, впереди) и перепадом высот (плоская дорожка — крыша монастыря — часовня с высоким крестом на куполе — небо) вызывает у неё ассоциацию с выходом, полётом, преодолением и рождает желание преодолеть дурное; она оценивает картинку на фотографии как «хорошую».

Обсуждая со студентами связь атрибутивных единиц с эмоциями и финальными оценками, можно развивать рефлексивное (в противовес рефлекторному) отношение к стилистическому выбору прилагательных и альтернативных признаков слов и конструкций.

Эмоционально-оценочный потенциал признаков слов создаётся или усиливается за счёт того, что признаки слова имеют «словообразовательную память». Рассматривая когнитивные функции прилагательных, легко заметить, что прилагательные — активно пополняемая часть речи, которая отражает представления социума о признаках, типичных для тех или иных предметов или обусловленных теми или иными действиями; появление нового прилагательного — это результат постижения и осмысления закономерностей, наблюдаемых в окружающем мире. Данная способность прилагательных играет существенную роль в когнитивном развитии индивида и социума и своеобразно преломляется в языке.

Внутренняя форма (словообразовательная мотивация) прилагательного запечатлевает путь осмысления того или иного признака. Слов, которые изначально были прилагательными, немного; большинство этимологически восходят к существительным и глаголам, ср.: *коричневый* — *корица*, *бугристый* — *бугор*, *сильный* — *сила*, *умный* — *ум*, *страшный* — *страх*, *небесный* — *небеса*, *деревянный* — *дерево*, *коровий* — *корова*, *пуховый*, *пушистый* — *пух*, *телефонный* — *телефон*, *компьютерный* — *компьютер*, *колючий* — *колоть*, *липкий* — *липать*, *горячий*, *горючий* — *гореть*, *стоячий* — *стоять*, *приставучий* — *приставать*, *ломкий* — *ломать*, *ходкий* — *ходить*, *жалкий* — *жалеть*, *лежалый* — *лежать*, *заледелый* — *заледевать*; много прилагательных образуется от причастий: *стоящий*, *окружающий*, *любимый*, *приятный*, *приемлемый*, *организованный*, *растерянный* и т. п.

Как только внутренняя форма прилагательного начинает стираться, оно утрачивает способность вызывать эмоции, заставляя пишущих подбирать или даже придумывать более выразительные варианты обозначения признаков: *коричневый* — *шоколадный*, *розовый* — *цвета лепестков миндаля*, *красный* — *клюквенный*, *малиновый*, *цикламеновый* и проч. У неопытного

пишущего затруднения в выборе нередко порождают неоправданные ряды дублирующих друг друга однородных членов [Евграфова 2014, 250–251].

Когнитивные возможности прилагательных не ограничиваются их словообразовательными моделями; не менее существенны и синтаксическое поведение атрибутивных слов.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ПРЕДМЕТА

В русском языке атрибутивная функция стандартно закреплена за прилагательными: *высокий дом, мамина комната, белое платье, жемчужное ожерелье*. Это, однако, не единственная возможность: мы можем легко заменить их на субстантивные сочетания (*дом в три этажа, комната матери, платье цвета сливок, ожерелье из жемчуга*).

Сейчас атрибутивная функция субстантивных сочетаний воспринимается как само собой разумеющееся; несогласованные определения включены в стандартные грамматики и известны каждому школьнику, и нам трудно представить себе, что двести лет назад конструкции с родительным определительным были предметом бурных споров.

В знаменитых «Очерках по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.» В. В. Виноградов [Виноградов, 183–185] подробно разбирает стилистические возражения А. С. Шишкова против галлицизмов, которые активно вводил в свою речь Н. М. Карамзин; цитирует Ф. И. Буслаева, скептически оценивавшего эту конструкцию через полвека после А. С. Шишкова. В. В. Виноградов считал, что под влиянием французского языка «изменение синтактики слова могло выражаться в появлении форм управления падежами у таких имён, которые раньше в русском языке не имели дополнений» [Виноградов, 185]. Он отмечал, что распространение этих моделей начало вытеснять из употребления гораздо более активные ещё в конце XVIII в. притяжательные прилагательные (в современном русском языке уже практически невозможны словосочетания типа *львов приход, священников дом, крестьянкина смерть*) [Виноградов, 205].

Заметим, что атрибутивные сочетания существительных обогатили выразительные возможности русского языка: например, прилагательные *белый, чёрный, красный* можно заменить сочетаниями *цвета сливок, цвета снега, цвета лепестков вишни, цвета угля, цвета спелой вишни, цвета степного мака* и проч. Они, в свою очередь, позволяют сделать следующий шаг — в сторону метафоры: *снег платья, уголь фрака, вишни губ* и т. п.

Особый интерес представляет распространение причастий. В. В. Виноградов цитирует высказывания участников дискуссии начала XIX в. о возможностях употребления таких форм, как причастия и деепричастия, в ходе которой одни призывали ограничивать их употребление книжной речью, а другие, наоборот, ратовали за них, называя союзы и союзные слова в определительных и временных придаточных «затычками» [Виноградов, 203–204]. Важно, что причастия становились все более привычными; к тому же периоду относится волна калек с французских прилагательных с *-able*, которые оформлялись по подобию причастий (В. В. Виноградов упоминает *непроницаемый, неутомимый, вменяемый* и др.).

Сейчас придаточные предложения мирно сосуществуют с причастиями и деепричастиями в письменной речи, в разговорной уступая первенство бес-

союзным конструкциям. Соответственно, причастия успешно конкурируют с прилагательными в выражении признаков; этот успех обусловлен тем, что причастия несут в себе когнитивно значимый признак процессуальности (ср.: *холодный* — *похолодевший*, *ледяной* — *заледевший*, *застывший*) и времени (ср.: *чёрный* — *чернеющий*, *почерневший*, *худой* — *худеющий*, *похудевший*, *исхудавший*) и тем самым делают описания более динамичными, включают их в контекст повествования.

Если в конце XVIII — начале XIX в. источником стилистически непривычных заимствований был французский язык, то сейчас, скорее, английский. Именно оттуда русский язык заимствовал очень необычную для русского языка, но активно распространяемую сейчас атрибутивную конструкцию, основанную на примыкании: *стиль сафари*, *искусство макраме*, *онлайн-регистрация*, *офис-менеджер*, *США-ориентированный*. Этот тип атрибутивных конструкций позволил включить в сферу выявления и описания признаков неосвоенные заимствования — несклоняемые имена. Пока такие конструкции скорее эстетически раздражают, их выразительные возможности ограничены, но с тем большим вниманием следует наблюдать за тем, как их используют мастера слова, а как — наши студенты.

УДЕЛЬНЫЙ ВЕС ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ТЕКСТАХ

В употреблении прилагательных современные исследователи замечают и пытаются просчитать как социальные [См. гендерные аспекты проблемы в работе: Красса, Калугина, 19–22], так и индивидуальные предпочтения пишущих¹. Однако не стоит забывать о свойственных языку грамматических пропорциях. При ближайшем рассмотрении гендерные различия оказываются несущественными, а индивидуальные предпочтения связаны не с удельным весом тех или иных частей речи в тексте, а с «когнитивной ориентацией» пишущего (т.е. с восприятием мира через звук, цвет, запахи, через отбор эталонов для сравнения).

Так, сравнивая доли существительных и прилагательных в функционально сходных отрывках (повествование или рассуждение с элементами описания) из очень «мужского» текста Виктора Пелевина и очень «женского» текста Дины Рубиной, мы обнаруживаем, что существительные составляют, соответственно, почти 28,7% и 25,5%, а прилагательные — 6,4% (7,4% с учётом причастий) и 6,9%. Соотношение между частями речи в отрывках такого типа различается у Пелевина и Рубиной не слишком сильно, причём процент прилагательных довольно стабильный. Можно предположить, что 6–7% — это обычный для современного русского текста показатель.

Картина заметно меняется, если художественный текст нацелен на передачу зрительного образа. В таких случаях у Пелевина удельный вес прилагательных повышается примерно втрое, у Рубиной эта тенденция ещё заметнее (в различных текстах — в 3,5 и даже 4,5 раза). Это говорит о том, что частотность атрибутивных слов и конструкций больше зависит от коммуникативно-функциональных особенностей текста, а не от личных предпочтений автора.

¹ Обращаясь к художественным текстам, мы будем рассматривать только «ясный, точный язык прозы — т.е. язык мыслей» (из письма А. С. Пушкина П. А. Вяземскому от 13 июля 1825 г.).

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И АВТОРСКАЯ КАРТИНА МИРА

Индивидуальность автора сказывается в том, какие когнитивные признаки объектов он актуализует в сознании читателя и как эти признаки представляет.

В приведённом примере из текста Дины Рубиной мы видели, как писатель работает с ольфакторным восприятием (запахи); ниже приводится отрывок из того же романа, где на первый план выходит зрительное восприятие:

*Оказавшись на своей **пустой** в этот ранний час улице, Леон неощутимо для себя подобрался и достал из кармана куртки связку ключей, среди которых оказался и тот, в чьём невинном брюхе дремало небольшое, но умное выкидное лезвие.*

*Калитка в **старинных дубовых** воротах открывалась в **бывший конюшенный** двор, ныне **крытый** и превращённый в вестибюль, где в любое время суток **янтарными** шарами горели **кованые** светильники, отражаясь в **красном кирпиче** пола. Как гулко в рассветной тишине звучат шаги в этих **старых бугристых** стенах... **Гранитным** булыгам стен, сложенных лет этак триста назад, противоречила **витая** лестница с **вензелистыми чугунными** перилами: владелица дома, вдова архитектора, вдоволь порезвилась на перестройке, выудив из чертежей покойного (и беззащитного) мужа **идиотские** сочетания архитектурных стилей.*

На первый план в зрительных образах выходят материал и возраст объектов; автор подчёркивает контрасты и в конце концов даёт безапелляционную оценку образа в целом (*идиотские сочетания*).

Анализируя тексты разных авторов и тексты, написанные самими студентами, можно обсуждать и многообразие способов видения мира, и языковые способы отражения этого многообразия: чего добивается писатель, когда превращает стандартный с точки зрения грамматики вариант — *старые, бугристые, сложенные из гранитных булыг стены* — в тот вариант, который вошёл в роман?

Заведомо нетипичные грамматические решения представляют особый интерес для работы со студентами. Рассмотрим небольшой отрывок из «Ай-Петри» Александра Иличевского.

*Невиданная Ленкорань, где родился мой прадед, и её субтропические окрестности поразили меня. Там, в лазоревом краю охотничьего царства Сефевидов, до смерти **пугаемый** безмолвными болотными лунями, вдруг срезавшими воздух над самой макушкой, **донимаемый** на стоянках камышовым котом, **преследуемый** круглосуточным скулением шакала-прилипалы, в **окружении** хохлатых пеликанов и «огненных гусей» — фламинго, я дважды тонул в прожорливом баттахе — жирном иле Гызыл-Агача, заповедном заливе^{надеж?}, птичьем царстве Персии...*

Автор описывает экзотические, заповедные красоты Ленкорани, но ставит в ряд однородных членов не ожидаемые нами названия встретившихся герою животных, а эмоциональные состояния самого героя, вызванные встречей с этими животными. Эти состояния даны в форме определений — три из четырех являются пассивными причастиями. Такое решение (и редкие формы пассивных причастий, и превращение последовательности событий в однородные состояния) нестандартно с точки зрения грамматики, но таким образом автор добивается сопряжения эпического и лирического планов по-

вестования, а синтаксическая странность предложения заставляет читателя особенно внимательно вдумываться в смысл этих строк.

В заключение добавим: прилагательные и атрибутивные конструкции в целом весьма удобно использовать для обсуждения удачности / неудачности и правомерности / неправомерности авторских решений с точки зрения читательского восприятия. Осознание потенциальной неоднозначности признаковых описаний, их когнитивной обусловленности позволяет студенту глубже понять и природу авторского выбора слова, и уязвимость этого выбора для редакторской критики [Евграфова 2016 (М.), 28–38].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.
2. *Горшков А. И.* Русская стилистика. М.: Астрель — АСТ, 2001. 367 с.
3. *Евграфова С. М.* К проблеме эклектичности учебно-научного текста // V Селищевские чтения. Международный сборник научных трудов, посвящённый 130-летию со дня рождения А.М. Селищева. Елец, ЕГУ им. И.А. Бунина, 2016. С. 500–508.
4. *Евграфова С. М.* Коммуникация «автор — редактор» и психолингвистические аспекты редактирования // Язык как материал словесности. Сборник статей по материалам научных чтений, проводимых в Литературном институте им. А.М. Горького. М.: Литературный институт им. А. М. Горького, 2016. С. 28–38.
5. *Евграфова С. М.* Феномен естественной письменной речи и его влияние на языковую систему // Антропоцентризм в языке и речи. Сер. «Acta Slavica Estonica V. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVI. Антропоцентризм в языке и речи». Tartu: Tartu University Press, 2014. С. 248–260.
6. *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д.* Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2012. 692 с.
7. *Красса С. И., Калугина Е. Н.* Гендерное профилирование автора субстандартного текста // Лингвистика текста. Бюллетень Южно-Уральского ГУ. Сер. «Лингвистика», 2014. Т. 11. № 3. С. 19–22.